

А.Н. ВЛАСОВ
(Санкт-Петербург)

Рецензия на: Былины Печоры / Сост. и подгот. текстов В.И. Ереминой, В.И. Жекулиной, В.В. Коргузалова, А.Ф. Некрыловой; Отв. ред. А.А. Горелов. – СПб.: Наука; М.: Изд. центр «Классика», 2001. – Т. 1, 2. – 773 с., 783 с.; илл. – (Свод русского фольклора: Былины в 25 т.).

Событие, которого ждала научная общественность более десяти лет, произошло, но в полной мере осознать его важность для русской культуры рубежа XX–XXI вв. нам еще предстоит. Принципы издания Свода, состав и структура серии «Былины» обсуждались столь тщательно и долго, что, казалось, специалисты никогда не придут к общему мнению. Даже сейчас, когда издание состоялось, остаются в рядах отечественных фольклористов недоброжелатели этого грандиозного предприятия. Можно только предполагать, какие трудности преодолел авторский коллектив, работая над материалами первых двух томов Свода.

Подготовка корпуса текстов печорских былин была осуществлена крупными специалистами в области фольклора, сотрудниками Пушкинского Дома В.И. Ереминой, В.И. Жекулиной, В.В. Коргузаловым, А.Ф. Некрыловой под редакцией А.А. Горелова. В ней также приняли участие музыковеды, историки, этнографы, археографы, лингвисты из других крупных научных центров. Одним словом, в работе над томами был задействован большой авторский коллектив. Несомненно, круг исследователей, причастных к составлению Свода, оказывается гораздо шире, так как в их число попадают многочисленные собиратели печорского фольклора, записи которых отражены в издании. К сожалению, некоторые из них так и не смогли увидеть первые тома в законченном виде. Среди них составитель музыкальных расшифровок В.В. Коргузалов, один из авторов статьи «Русский былинный эпос» Д.М. Балашов, члены редакционной коллегии Свода академик Д.С. Лихачев, академик А.М. Панченко, академик Н.И. Толстой, композиторы В.А. Гаврилин и Г.В. Свиридов, рецензенты Б.Н. Путилов, Ф.А. Рубцов, В.В. Митрофанова.

Масштабность записей русского былинного эпоса, сохранившихся со времени его первых фиксаций (XVII, XVIII, XIX вв.) и вплоть до настоящего времени, объективно подсказала основной принцип публикации – региональный, позволяющий ви-

деть в конкретно областном, локальном материале общенациональное начало русской духовности. Именно в таком подходе наиболее полно проявилась объединяющая этнос сила эпического искусства (по мысли Д.М. Балашова, «эпос "крепко к этносу"» [с. 24]). Печорские старины, опубликованные в Своде, начиная с записей Н.Е. Ончукова в 1901–1902 гг. до записей второй половины XX в.¹, позволяют достаточно полно представить эпическую традицию на Печоре почти за сто лет и дают богатый материал для изучения былинной традиции на Русском Севере.

Два первых тома свода включают корпус текстов (281 текст и 8 приложений); предисловие [т. 1, с. 7–10]; статьи «Принципы издания. Состав и структура серии "Былины" Свода русского фольклора» [т. 1, с. 11–20], «Русский былинный эпос» [т. 1, с. 21–78], «Былины на Печоре» [т. 1, с. 79–144], «Сводная характеристика типологии напевов печорских былин» [т. 1, с. 145–150], «Принципы распределения словесного и музыкального материала» [т. 1, с. 151–152], «Текстологические принципы издания» [т. 1, с. 152–153], «Редакционные принципы издания музыкального материала» [т. 1, с. 154–155] и указатель былинных сюжетов Печоры [т. 1, с. 155–156]; комментарии к текстам былин [т. 1, с. 661–758; т. 2, с. 443–516]; указатели («Именной указатель» [т. 2, с. 631–656], «Указатель этнических и географических названий» [т. 2, с. 657–666], «Предметный указатель» [т. 2, с. 667–766], «Указатель мест бытования (записи) былин» [т. 2, с. 767–768]); биографические сведения об исполнителях [т. 2, с. 533–582]; словарь [т. 2, с. 583–630]; списки исполнителей [т. 2, с. 769–772] и собирателей [т. 2, с. 773–774], иллюстрации и звуковое приложение.

Принцип расположения материала (по сюжетам в порядке хронологии записи) позволяет проследить изменяемость сюжетной канвы текста во времени, а также увидеть индивидуальные особенности каждого исполнителя. Разночтения в текстах публикаторы дают в комментариях, которые рассчитаны прежде всего на специалистов-текстологов, но могут служить также богатым материалом для литературоведов, искусствоведов, интересующихся, в частности, рефлексией деятелей культуры и искусства по отношению к памятникам фольклора. Одним словом, при публикации текстов былин составители придерживались принятых в академической науке современных принципов издания.

¹ Собирателей Д.М. Балашова, Ю.И. Красовской, а также участников экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова и СыктГУ.

На наш взгляд, в структурном расположении материала к составителям томов не может быть упреков, так как читатель легко найдет в издании все необходимые ему сведения, касающиеся опубликованных текстов. Важно обратить внимание на текстологические принципы издания. Дело в том, что, готовя материалы к публикации, составители обращались к нескольким типам источников: это и полевые записи (в основном рукописные), и изданные тексты, некогда подготовленные к печати самими собирателями (с возможными правками и изменениями, внесенными в полевые записи), и фонограммы. Составители, конечно, зависели от тех, кто имел отношение к текстам до них, невольно повторяя и неправильности в записи собирателей, и ошибки, и сознательные исправления полевых записей публикаторами. Однако если таковые погрешности и существуют в Печорских томах, то упрекать в них авторский коллектив профессионально некорректно. Многолетний труд, вложенный в подготовку громадного корпуса текстов, является примером безукоризненного профессионального мастерства.

44 сюжета былин, зафиксированных на Печоре, представляют собой поздний пласт эпической традиции на Севере — не только по времени первых записей, но и относительно других севернорусских традиций (Прионежской, Каргопольской, Мезенской, Пинежской), — что вызвано сравнительно поздним культурным освоением русскими Печорского региона. Речь идет не о первых засельщиках края — Ивашке Ластке со товарищи (XVI в.), а о массовом заселении нижней и средней Печоры в XVIII в. Переселенцы этого времени, в основном старообрядцы из западных и южных областей Русского Севера, явились основными носителями и трансляторами эпической традиции. Поздняя миграционная волна и породила самобытный феномен печорской культурной традиции.

Относительная молодость традиции и ее автономность в силу различных факторов обусловила сохранность фольклорного фонда на длительный период, вплоть до последних десятилетий XX в. Ярким примером тому может служить игровой комплекс Горка, традиционная лирика и другие жанры крестьянского фольклора, записи которых до последнего времени поражают собирателей. Вместе с тем, говоря об особенностях печорского фольклора, необходимо иметь в виду, что исторически устная культура устьицелемов основывалась уже на иных мировоззренческих устоях: традиционные сюжеты, темы, мотивы, образная система во многом были деформированы в условиях идеологии и эстетики Нового времени. Арханческие модели традиционной культуры, составляющие основу печорской традиции, оказались под глубоким воздействием старообрядчества с его идеологической установкой на память традиции. Достаточно, например, привести факт устойчивости и полноты текстов песенного фольклора в записях 1929 г. и 1980–1990 гг. Однако при обзоре фольклорной традиции в Печорских томах (в разделе «Небылинный печорский фольклор» [т. 1, с. 117–123]) фиксируется незначительная степень ее изученности на начало 1980-х гг. К сожалению, вне поля зрения автора этого раздела оказались публикации 1990-х гг. [Власов, Мехренгина 1989; А в Усть-Цильме поют 1992; Канева 1996; 1997 и др.], в которых была сделана попытка

дать характеристику жанровой системы печорского фольклора с учетом всех последних полевых исследований.

Несомненно, важными в плане общего представления о печорской былинной традиции в первом томе являются разделы статьи «Былины на Печоре», подготовленные Ю.А. Новиковым. На основе статистической характеристики былинного репертуара так называемой низовой Печоры (ныне Нарьянмарский р-н Ненецкого национального округа) и средней Печоры (ныне Усть-Цилемский р-н Республики Коми) автор совершенно справедливо заявляет о пересмотре концепции Н.Е. Ончукова, который противопоставлял усть-цилемскую и пустозерскую эпические традиции. Ю.А. Новиков указывает на общность репертуара, присущего печорской традиции в целом, и считает, что важнейшую роль в процессе унификации былинного репертуара сыграла река Печора, с которой был связан хозяйственно-бытовой уклад жизни устьицелемов. «На рыболовных промыслах создавались исключительно благоприятные условия для обучения сказыванию былин, расширения репертуара, постоянного взаимодействия и взаимообращения эпических традиций соседних районов. Дело не только в том, что здесь встречались и подолгу трудились бок о бок жители разных деревень. Распространенное на Печоре хоровое (ансамблевое) исполнение былин исключало пассивное их восприятие — подягивая признанному старинщику, слушатели включались в акт исполнения, запоминали сюжетный каркас произведения, основные мотивы и детали. Поэтому не приходится удивляться тому, что наиболее популярные сюжеты бытовали на Печоре в одной-единственной редакции, получившей всеобщее признание. В местной традиции необычайно высокая степень унификации общеэпических формул... и постоянных формул, характерных лишь для одного сюжета. Видимо, в результате регулярных контактов сказителей, хоровой манеры исполнения былин происходил своего рода "естественный отбор" — в коллективной традиции закреплялся какой-то один поэтический образ для описания повторяющейся ситуации, портретной характеристики героя, его монологов и т.п.» [т. 1, с. 90–92]. Это важное наблюдение позволяет исследователю сделать ряд серьезных выводов, характеризующих особенности бытования былинной традиции на Печоре. К такому относится утверждение, что «в Печорском крае не было "школ" сказительского мастерства, как их понимали А.Ф. Гильфердинг, В.И. Чичеров и некоторые другие исследователи» [т. 1, с. 94].

Принимая во внимание серьезную аргументацию Ю.А. Новикова, отрицать наличие в печорской традиции сказительских школ, на наш взгляд, все же преждевременно. Возможно, в академическом понимании сказительская школа и то явление, которое мы наблюдаем здесь, имеют различные корни. Но как тогда обозначить наличие преемственных связей между сказителями разных поколений? Так, в былинной традиции на Печоре можно выделить пижемскую школу сказителей, восходивших к роду Чупровых из д. Абрамовской. Этот факт был в свое время отмечен А.М. Астаховой, которая указывала на существование семейных гнезд былинщиков [Астахова 1966, 200]. От рода Чупровых тянется линия мастеров-сказителей вплоть до послед-

них представителей этой культуры. Из известных еще Н.Е. Ончукову опытных мастеров в этом роду встречается один, которого признавали своим учителем поколение Ф.Е. Чуркиной, Г.И. Чупрова и др. нижегородских сказителей, – Василий Абрамович Чупров (Вася Малый). Но от него собирать что-либо не удалось записать из-за преклонного возраста певца. Записи же, сделанные от учеников Васи Малого, позволяют реконструировать репертуар их учителя и установить, что все варианты сюжетов восходят к одной и той же редакции версии сюжета их учителя. В репертуар этих сказителей входили 18 сюжетов: Илья Муромец и Сокольник, Бутман, Илья Муромец в опале, Алеша Попович и сестра братьев Долгополовых, Василий Игнатьев, Женитьба князя Владимира (Дунай), Мамаево побоище, Сорок калик, Данило Староильевич, Князь Долгорукий, Разговор птиц, Илья Муромец и станичники, Микита сын Романович, Добрыня и Маринка, Соловей Будимирович, Добрыня и Дунай, Садко.

Записи былин от сказителей второго поколения семейной школы В.А. Чупрова были сделаны в 1929, 1942, 1955 и 1960-х гг. Репертуар их значительно сократился и составлял несколько сюжетов: Илья Муромец и Сокольник, Бутман, Скопин, Илья Муромец, Илья Муромец и станичники, Садко. Наиболее популярны были только два первых сюжета. Лучшим сказителем второго поколения был Еремей Прович Чупров (1890 г.р.), который перенял старины от своего старшего брата Егора, также представителя второго поколения былинщиков из рода Чупровых. Еремей Прович исполнял старины не только один, но и в коллективе. Обычно пели все братья вместе: Яков, Климент и двоюродный брат Малофей Иванович с сыном Илларионом.

Известен во втором поколении учеников Васи Малого Леонтий Тимофеевич Чупров из д. Боровской, двоюродный брат Еремея. Леонтий Тимофеевич происходил из рода известных сказителей: его дед Семен Денисович, отец Тимофей Семенович и мать Прасковья Провна Чупровы, сестрой деда была известная Анна Денисовна Осташова. Леонтий Тимофеевич перенял старины от своего деда, но большое влияние на его исполнительское искусство оказало совместное пение с братьями Провичами. Последние записи былин зафиксированы от него совместно с его женой Анной Лукиничной (тоже уроженкой д. Абрамовская).

К этому же поколению относятся и Макар Иванович Чупров (1882 г.р.), который учился у своего отца Ивана, тоже ученика Васи Малого. В 1909 г. он переселился в д. Крестовка по р. Печоре ниже Усть-Цильмы. Значит, абрамовские исполнители старины, расселяясь по району р. Печоры, могли существенно повлиять на сказительский репертуар и манеру исполнения всего региона. От своего отца Макар Иванович усвоил пять сюжетов: Илья Муромец и разбойники, Садко, Илья Муромец и станичники, Скопин, Добрыня и Маринка. Былины М.И. Чупрова, записанные в 1942 г., почти дословно совпадают с вариантами сюжетов, известных от его отца.

Третье поколение этой школы составили носители эпической традиции второй половины XX в. (записи 1970-х – 1990-х гг.). Среди них наиболее известен Илларион Еремеевич Чупров. Его еще в 1929 г. в 17-летнем возрасте записала в составе пев-

ческого ансамбля А.М. Астахова. Илларион Еремеевич хорошо помнил только один сюжет – Илья Муромец и Сокольник. Этот же сюжет и небольшой фрагмент Бутмана знали другие представители семейной линии Чупровых, например Евдокия Малафеевна Мяндина (в девичестве Чупрова). Она еще помнит своего дядю Еремея Провича, от которого переняла два этих сюжета. Наличие такой преемственной связи отрицать сложно. Печорские тома дают необходимый материал для решения этой сложной проблемы.

Отмеченная Ю.А. Новиковым проблема книжных источников былинных сюжетов из репертуара некоторых печорских сказителей (например, В.И. Лагеева) является весьма своевременной. Она наталкивает на постановку отдельной темы в изучении печорской культурной традиции – темы соотношения устного эпического знания и старообрядческой письменной культуры. Отметим, что по времени расцвет сказительского искусства и интенсивного освоения традиционной книжной культуры печорскими крестьянами почти совпадают. Следует еще осмыслить факт, что некоторые известные сказители становились не менее известными старообрядческими наставниками (например, Вася Малый, В.И. Лагеев, С.А. Носов и др.). Вот почему весьма уместно включение в состав печорских томов обзора рукописной книжности Печоры, сделанного В.П. Будорагиным [т. 1, с. 123–126].

В заключение необходимо подчеркнуть, что это издание уже сейчас может занять достойное место в ряду высококачественной продукции отечественной полиграфии: тома снабжены редким иллюстративным материалом (фотографии начала XX в.; снимки с печорских рукописей и предметов этнографии), компакт-диск с образцами напевов печорской былинной традиции. Первые два тома Свода русского фольклора в серии «Былины» являются заметным вкладом в отечественную науку рубежа XX – XXI вв. Остается надеяться, что первый опыт будет продолжен в следующих предусмотренных проектом изданиях.

Литература

А в Усть-Цильме поют 1992 – А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы. Сборник к 450-летию села / Сост. З.Н. Бильчук, А.Н. Власов, А.Н. Захаров, Т.С. Канева. СПб., 1992.

Астахова 1966 – Астахова А.М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.

Власов, Мехренгина 1989 – Власов А.Н., Мехренгина З.Н. Современное состояние усть-цилемской фольклорной традиции. Некоторые проблемы собирания, хранения и изучения (по материалам фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1989. С. 101–114.

Канева 1996 – Канева Т.С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. ст. Т. 2. Сыктывкар, 1996. С. 102–108.

Канева 1997 – Канева Т.С. К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рабинские чтения '95: Сб. докл. междунар. конф. Петрозаводск, 1997. С. 157–162.